

Лис Арден

МАСТЕР ТЕНЕЙ

Лис Арден

Мастер теней

«Издательские решения»

2015

Арден Л.

Мастер теней / Л. Арден — «Издательские решения», 2015

Добродетель всегда находит награду; вопрос только, какую. История о том, как несправедливо осужденный казначей, живший во Франции в XIV веке, стал придворным мастером дьявола. Столетиями странствует он по земле, предлагая людям свою помощь. Устоявших перед его предложением — единицы.

© Арден Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая. Плоды	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мастер теней

Лис Арден

© Лис Арден, 2015

© Кий, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Плоды

1. Алена всегда была очень энергичной особой, не тратившей попусту ни секунды из отпущенного ей времени. Сейчас, например, она одновременно вела машину, с изящным хамством игнорируя светофоры, соседние машины и прочие, не стоившие ее внимания вещи, и обрабатывала сидящего рядом мужчину в режиме циркулярной пилы.

– Да что с тобой такое творится? Снотворного ты, что ли, для храбрости принял? Господи, ну не понимаю я тебя, не понимаю! Все, все у тебя есть: и рост, и стать, и кулачищи пудовые, и реакция, как у дикаря... Так что ж ты мямлишь вечно? Опять сегодня сопли жевал, я же видела – он тебе подставился, а ты? Ну не верю я, не верю, что ты такой момент мог не заметить!

Тут ее спутник впервые за последние сорок минут подал голос.

– Ален, ладно тебе... Жалко парнишку стало, открылся он по неопытности, что ж добивать-то.

– Да засунь эту жалость знаешь куда?! Нет такого слова, ясно?! И зачем я только с тобой связалась, сколько времени псу под хвост ушло! Знала бы заранее, какой ты тюфяк... тоже мне, мать Тереза мирового бокса! – в жизни бы близко не подошла, лучше бы к Павлову в свиту подалась!!! Ну что ты опять молчишь? Все слова в перчатках оставил? Тряпка несчастная!

В настоящий момент Петр действительно чувствовал себя глубоко несчастным, хотя тряпкой он, вне всяких сомнений, не был никогда. Просто, на свое несчастье, был он незлобив и добродушен, и не считал нужным размазывать по рингу уже готового сдать противника. Поэтому его репутация сильного, уверенного бойца никак не приобретала эффектного блеска, как у того же Павлова, куда менее способного, но гораздо более жесткого. И все бы ничего, Петр привык и к подначиваниям друзей, и к недовольству тренера, но вот Алена... Тут он был бессилен. Потому как любил ее больше, чем сорок тысяч братьев и один меланхоличный принц, вместе взятые. Петр знал, что она помыкает им, что его победы ей дороже его же сердца и закрывал на все глаза.

– Все, нет сил больше терпеть тебя! Мне надоело твое вечно второе место! Делай, что хочешь, но пока ты настоящим мужиком не станешь, на мое общество не рассчитывай.

– Аленочка, ну не сердись... Поздновато меня уже перевоспитывать. И далось тебе это первое место, что мы, не проживем, что ли, без него?

– Ты, может, и проживешь, а я – нет. Охота тебе вечно сидеть в заднице – сиди на здоровье, но уж как-нибудь без меня. Все, разговор закончен. Делай, что хочешь: мухоморной настойки выпей, или к колдуну какому сходи, пусть он перчатки тебе заговорит!

На этом разговор действительно был закончен. Петр напряженно молчал, Алена демонстративно дулась. В тишине доехали домой, поужинали, посмотрели телевизор... А потом Алена швырнула Петру на диван плед и подушку, а сама ушла в спальню, вызывая грохнув дверью. Вечер определенно был испорчен. Петр рассеянно взял с журнального столика первое, что попало под руку – это оказалась газета частных объявлений – и стал совершенно бездумно ее пролистывать. Глаза его скользили по строчкам, как дождевые капли по оконному стеклу, не задерживаясь. Неожиданно что-то привлекло его внимание, он слабо усмехнулся. «Магия. Астрология. Гадание» – раздел был весьма велик, страница пестрела объявлениями вроде «Потомственная гадалка (вроде как потомственный алкоголик) решит все ваши проблемы. Возможен выезд на дом. Цена договорная». Или – «Белый маг высшей категории, диплом Астральной Академии с отличием. Обеспечу успех в бизнесе, нейтрализую конкурентов, оздоровлю энергетику фирмы». Одно из таких объявлений почему-то привлекло внимание Петра: «Непреодолимое препятствие на пути к успеху? Накопившиеся комплексы? Обессиленные сомнения? Я помогу вам. Реально, гарантированно, дорого. Мастер Теней». Претен-

циозно, конечно, но не без выдумки. Петр усмехнулся («к колдуну сходи, что ли...»), потянулся за телефоном, помедлил и, вспомнив о захлопнутой двери в спальню, набрал номер.

На первый взгляд, все было более чем предсказуемо. Квартира, обставленная со строгой простотой, стоившей немалых денег, несколько антикварных вещей. Хозяин вполне соответствовал обстановке: это был высокий, худощавый мужчина неопределенных лет, серебристо-седые волосы коротко подстрижены, на узком лице – немного великоватый нос с горбинкой, глаза цвета старой бронзы, полуприкрытые тяжелыми веками, твердокаменный подбородок. Одет он был в дорогой костюм, в галстук поблескивала золотая булавка, на указательном пальце правой руки – массивное кольцо с несколькими камнями в причудливо изогнутой оправе. «Все правильно, – подумал Петр, садясь в предложенное хозяином кресло, – это намного лучше какой-нибудь дурацкой мантии. Солидно, серьезно, сразу доверие вызывает».

– Совершенно с вами согласен. Кроме того, в мантии попросту неудобно, – отвечая на мысли Петра, заговорил хозяин. – Уважаемый Петр, из предварительного разговора с вами я понял, что в бутафории вы совершенно не нуждаетесь, поскольку сама проблема ваша весьма глубинного свойства, и внешними эффектами мы с вами ничего не решим. Итак, к делу. Я готов помочь вам. Как вы, наверное, уже поняли, мои услуги стоят недешево. В вашем случае это будет весь ваш гонорар за первый выигранный турнир; потом вы будете получать намного больше, но мне важны именно первые деньги, это необходимо для закрепления результата. Это во-первых. А во-вторых – просто доверьтесь мне. Вы согласны?

– Ну, в общем, да. – Не раздумывая особо, ответил Петр.

– Превосходно. Тогда приступим.

– Что, прямо так сразу и начнем колдовать?

– Не пугайтесь заранее. Для начала я должен определить, над чем мне придется поколдовать. – Мастер встал, зажег высокую напольную лампу, придвинул ее к креслу Петра, выключил верхний свет и сел так, чтобы ясно видеть тень боксера. – Так, посмотрим, посмотрим. Добродушие, вот как. Как основное свойство натуры. И кто же заставит его замолчать? – Тут он вытянул вперед руку с кольцом, сжав пальцы в кулак, так, что Петр успел рассмотреть примечательный перстень. Камней было семь: кроваво-красный, черный матовый, желтый искрящийся, фиолетовый, синий, густо-розовый и морковно-рыжий, они были примерно одинакового размера и, несмотря на разницу фактур и несогласованное разноцветье, отлично гармонировали между собой, так что кольцо казалось одним целым. Мастер Теней плавно, не торопясь, обводил контуры тени Петра, словно рисуя на стене его силуэт; он что-то негромко проговаривал, как будто беседовал с тенью. В какой-то момент Петру показалось, что один из камней в кольце вспыхнул искрой, но тут Мастер кашлянул, привлекая его внимание.

– Итак, уважаемый Петр, сообразовите меня выслушать. Достичь поставленной цели вам мешает природное свойство вашей натуры, а именно добродушие; в вас очень мало врожденной злости. Поэтому вы склонны жалеть побеждаемого соперника, даже себе во вред, и совсем не склонны его уничтожить, даже с пользой для себя. Это можно изменить.

Мастер Теней встал и пересел в кресло напротив Петра.

– Вы знаете о семи смертных грехах?

– Ну да, в общем. Зависть там, гордость...

– Гордыня, уважаемый; ни в коем случае не путайте с гордостью. Но вы на правильном пути. Видите ли, люди грешны от рождения, тут уж ничего не попишешь, хотя именно первородный грех и определяет человеческую природу, так что особо жалеть о нем, наверное, и не стоит. Вдобавок к этому, в каждой душе запечатлены – или запечатаны, это уж как вам угодно, – семь смертных грехов, или – мне так больше нравится – семь грехов Смертных. В моей власти снять печать с одного из них. Последствия могут быть самыми разными, не стану скрывать от вас сей факт. Однако одно могу гарантировать: если это будет нужный

грех (а у меня ошибок не бывает), то, будучи выпущенным на свободу, он поспособствует развитию тех качеств, каковых вам так не хватает в погоне за колесом Фортуны, и нейтрализует те свойства вашей натуры, каковые мешают вам. Вы меня понимаете?

– Да вроде понимаю. Я-то думал, вы мне заговор какой скажете, на победу, а тут... не очень-то я верю, что взрослого человека вот так, одним махом, перевоспитать можно.

– Перевоспитать – нельзя. Однако активизировать ваш теневой арсенал – можно. Решайте, уважаемый Петр, я никогда не навязываю свои услуги, подобно дешевым фокусникам, да и цену, признаться, прошу немалую. Подумайте.

Мастер Теней встал и вышел из комнаты. Петр какое-то время просто молча сидел, бездумно глядя на собственную тень, темневшую на стене. «Чушь какая-то, – подумал он, – философию развел, хрен его разберет, о чем он толкует». Он уже почти собрался встать и пойти распрощаться с хозяином, как вдруг вспомнил о захлопнутой двери в спальню... «А, да ладно, чем черт не шутит, может, и поможет». В этот момент в комнате снова появился Мастер Теней.

– Как я вижу, решение вы уже приняли. Что ж, приступим.

Он снова уселся сбоку от Петра, вытянул руку с кольцом, вычертил ею в воздухе сложную фигуру.

– Гнев, кроваво-красный, ослепляющий, испепеляющий, морской волне подобный, с лесным пожаром схожий. Он поможет. Доводов рассудка не услышит, доброту в безгласие отвергнет, вознесет на яростных крыльях... Властью, данной мне Тем, чье все не произносят имя, я, Мастер Теней, гнева печать снимаю! Восстань из заточенья и волю вкуси досыта!

После этих звучных слов красный камень в кольце Мастера Теней полыхнул как раскаленная головня. Боксер почувствовал мгновенную острую боль в области сердца, у него слегка закружилась голова, в глазах поплыли красные круги, но все это прошло, едва начавшись.

– Итак, дело сделано. Желаю вам удачи, Петр, и жду ваш первый победный гонорар.

Мастер Теней встал, Петр поднялся вслед за ним, все еще недоумевая, прошел к дверям и, машинально попрощавшись, вышел на улицу.

Противником Петра был Вадим – боец неплохой, только очень уж невыдержанный и задиристый. Поединок проходил без особых эксцессов, где-то в первом ряду белело скучающее лицо Алены. Гонг возвестил начало четвертого раунда, Петр был собран, хладнокровен и меньше всего думал о том, что обещал ему Мастер Теней. Обещанное напомнило о себе само.

В какой-то момент боя, возможно, после пропущенного удара, что-то вдруг изменилось в Петре. Ему почудилось, что время остановилось, зависли в воздухе его руки в боксерских перчатках, воздух сделался тяжелым и горячим. Грудь его стала расширяться, словно он решил вдохнуть нечто непомерно огромное, сердце бешено застучало, вскипевшая кровь готова была разорвать вены и выплеснуться багровыми потоками... В этот миг глазам Петра предстал зависший в великолепном прыжке огромный бойцовый пес невозможного красного окраса, его оскаленная, ощерившаяся окровавленными зубами пасть оказалась прямо напротив его лица; пес выдохнул... от его испепеляющего дыхания у боксера мгновенно испарился пот... Видение длилось всего лишь десятые доли секунды, но псу этого хватило.

Петр чувствовал, как его вздымает на самом гребне огромная океанская волна, у которой был цвет и вкус крови. Крови врага, которого должно во что бы то ни стало уничтожить, сровнять с землей, пожрать его, упиться его болью и падением. Боксер уже не видел лица своего противника, не помнил его имени. Каждый кулак его был как молот, из глотки вырывался хриплый рев, перед глазами плыла алая муть.

Вадим лежал на ринге бездыханный, в глубоком нокдауне, изо рта стекала струйка крови. Вид ее отрезвил и странно успокоил Петра; рефери, под восторженный рев трибун, в котором различался восхищенный женский визг, поднял его руку в жесте победителя.

Утром Петр, вспомнив о данном обещании, отвез Мастеру Теней гонорар за выигранный бой. Расстались они весьма довольные друг другом, после долгих уверений во взаимном уважении.

Дела Петра шли в гору, да какое там шли – летели! Ни одного проигранного боя, череда побед, одержанных уже в первом раунде, поверженный Павлов, сбежавший прямо с ринга, еще до начала боя. Красный Пес знал свое дело. И он не собирался останавливаться на достигнутом.

Этот поединок ничем не отличался от десятков предыдущих. Петр с наслаждением погрузился в соленые красные волны, подчиняясь их ярости. Да вот только противник оказался совсем не из слабеньких. Этот парнишка, новичок без титулов и славы, не собирался сдаваться! Дурачок, он решил, что может противостоять Красному Псу! Сражался он отчаянно, не теряя, однако, головы и не зверея. Третий раунд, четвертый, пятый... У парня был уже капитально подбит глаз, заплывающий багровым кровоподтеком, треснули и сочились кровью губы, его мотало от усталости, дыхание было хриплым и надсадным. Шестой раунд. Петр намеревался покончить с этим делом быстро и, по возможности, безболезненно. Хороший классический нокаут, без ненужного членовредительства. Не тут-то было.

Красный Пес был заметно рассержен. Шерсть стояла дыбом, по ней пробежали багровые сполохи. Это невозможно простить! Противник был лучше его. Да, ему не хватало опыта и физических сил, но во всем остальном он превосходил пса. Он был лучше! Лучше! Лучше!!! Пес зарычал и ринулся в атаку.

С ринга его уносили. Его, осмелившегося бросить вызов Красному Псу Гнева. На следующий день Петр узнал, что его противник получил тяжелую травму и вряд ли когда-нибудь выйдет из комы. Через три дня он, так и не приходя в сознание, умер.

Петр был дисквалифицирован на неопределенное время. Это невероятно угнетало его. Вскоре ушла Алена, испробовав на себе тяжесть восхваляемых ею кулаков. Ожидание боя стало почти невыносимым, когда Петру предложили поучаствовать в серии боев без правил на особых условиях. Он согласился, не раздумывая.

Это было восхитительно. Посыпанный песком пол, окружающая ринг железная сетка, исступленно воющие зрители, а главное – полное отсутствие правил и запретов. В том числе и на убийство. Летальные исходы были не редкостью в этой клетке бешенства. В ней Красный Пес чувствовал себя полностью свободным, он резвился в крови Петра, заставляя ее вскипать мириадами огненных пузырей, стучать в виски тысячепудовыми кузнечными молотами, яриться в уже начинающем изнемогать сердце.

2. О, моя дорогая, не стоит так волноваться. Поверь мне, мужчинам просто необходимо время от времени некоторое разнообразие. И твой возлюбленный Франц не исключение. Не делай из этого трагедию, деточка, поверь мне, унылое лицо, залитое слезами, – не лучший способ воспламенить угасающую страсть мужа.

– Но тетя Молли, я так люблю его! Все было так прекрасно, пока мы не переехали в этот город! Франц ухаживал за мной как истинный рыцарь, мы гуляли, плавали на лодке, я рвала кувшинки, и он говорил, что я похожа на ундину, и он всерьез боится быть зачарованным мною навеки. Он был так нежен, тетя Молли, так романтичен; я тогда решила, что все эти ужасы и мерзости мужской природы, о которых нам постоянно нашептывали монахини, всего лишь их завистливые выдумки.

– Я всегда была против твоего столь неоправданно долгого пребывания в монастыре, моя дорогая Каролина. Твой батюшка явно перегнул палку в своем желании уберечь тебя от греховных соблазнов мира, ведь не к пострижению же тебя готовили, в конце-то концов! Прости мне, Господи, но невинность наша нужна мужчинам всего только один-разъединственный, он же и последний, раз. А потом она их только раздражает. Каролина, но ведь и после сва-

дбы вы были вполне счастливы, разве не так? По крайней мере, в своих письмах ты ни на что не жаловалась.

– Тетя Молли, все было просто чудесно! Франц не настаивал на частом повторении супружеских обязанностей. Правда, у него было много работы, постоянные заседания правления банка, какие-то ревизии в розенлевском филиале...

– Где-где?

– В розенлевском филиале, это где-то в пригороде. Но как только мы переехали в этот огромный каменный город, все изменилось. Франц стал раздражительным, постоянно ищет повода уйти из дома, избегает общения со мной. Тетя, что мне делать? Я ничего не понимаю, не может же его любовь ко мне исчезнуть вот так, в одночасье и без видимых причин?

Тетка Каролины Паульман, госпожа Матильда Паульман, явно колебалась с выбором ответа, которого с нетерпением ждала ее обожаемая племянница. Пожилая женщина встала, прошла по террасе, сорвала без нужды несколько еще нераспустившихся роз, исщипала их в мелкие клочки... Наконец, решила и снова села рядом с племянницей.

– Моя дорогая девочка, какого ответа ты ждешь от своей старой тетки? Если правдивого, то он причинит тебе немалую боль, и мне так не хочется, чтобы ты его услышала... Но и лгать тебе я тоже не хочу, ибо ты достойна правды. Помоги мне Господь, я должна открыть тебе глаза. Каролина, любовь Франца к тебе не могла исчезнуть в одночасье, потому что, по моему мнению, ее просто никогда и не было. Мне очень жаль, что этот брак случился столь скоропалительно, и меня не было рядом, чтобы предостеречь тебя, девочка. Твой отец и твой муж решили этим древним, как мир, способом закрепить свое партнерство и подготовить слияние банков. Но кроме этого, ты решила преподнести Францу в приданое свое глупое, набитое романтическими бреднями сердечко... Детка, сердца интересуют Францу в последнюю очередь, чего не скажешь о телах. Насколько я знаю его, это весьма чувственный от природы мужчина, развивший свою и без того немалую любвеобильность постоянными упражнениями в постельных утехах. Бедняжка Каролина, о каком розенлевском филиале ты мне тут толковала? В Розенлеве находится самый дорогой публичный дом!

– Тетя Молли, как вы можете так говорить?! Это невозможно, просто невозможно! Франц не такой... и мой папа никогда бы не позволил ему...

– Каролина, мой дорогой братец сам весьма частный гость розенлевских девиц. Послушай, я не хочу, чтобы так горевала о своем муженьке, не стоит делать из мужчины смысл всего сущего! И не печалься ты о якобы утраченной близости, ее никогда не было меж вами. Помилуй Бог, вы такие разные – невинная восторженная дурочка и молодой жадный сатир.

После этого памятного разговора прошло около недели. Муж по-прежнему не баловал Каролину вниманием, отмахиваясь от всех ее попыток хотя бы поговорить. Его часто не было дома; она оказалась предоставлена самой себе. В один из таких одиноких вечеров Каролина, чтобы хоть как-то рассеяться, стала просматривать вечернюю газету. Неожиданно на глаза ей попало объявление в затейливой рамке. «Ваша жизнь утратила смысл? Вы не в силах противостоять судьбе? Вам причинили боль? Вам поможет Мастер Теней. Конфиденциально, дорого, избирательно. Шварцштрассе, дом 13». Стоит ли говорить о том, куда направилась Каролина Паульман на следующее же утро?

Мастер Теней встретил Каролину в кабинете, окнами выходящем в сад. Он был высок, худощав, серебристо-сед; про себя девушка отметила его костюм от очень дорогого портного, и довольно тяжелый взгляд золотисто-зеленых глаз из-под полуопущенных век.

– Уважаемая фрау Паульман, не стоит смущаться и умалчивать какие-либо аспекты обсуждаемой нами проблемы, ибо все сказанные вами слова никогда не перешагнут порога моего кабинета. Насколько я мог понять из вашей речи, суть ваших претензий состоит в том,

что разница темпераментов угрожает супружескому счастью. Будьте любезны, присядьте в это кресло, посмотрим, что можно сделать.

Мастер Теней усадил Каролину в кресло, стоявшее у окна, таким образом, что на полу отчетливо нарисовалась ее тень, сам же встал рядом и как будто вступил в молчаливый диалог с нею.

– О, над вами неплохо поработали, фрау Паульман. Так... подавленные инстинкты, почти ликвидированная чувственность, искажение телесных желаний. Да, невесты Христовы не жалели на вас сил и времени. Что ж, посмотрим.

Тут Мастер Теней воздел руку в повелительном жесте, на указательном пальце блеснуло кольцо. Каролине вдруг стало страшно.

– Ну вот, все ясно. Я могу вам помочь, уважаемая фрау Паульман. Ведь вы стремитесь изменить себя, дабы удержать любимого мужа, хотите стать желанной и страстной, не так ли? Я так и думал. Итак, в моей власти выпустить на волю вашу собственную чувственность, дарованную вам природой; вам поможет грех сладострастия, о котором вы слышали столько ужасного от несомненно сведущих в таких делах монахинь. Как вы уже поняли, плата за мои услуги будет немалой; вы должны мне отдаться сразу после преобразования. Подумайте, Каролина, я не тороплю и не настаиваю.

Каролина осталась в комнате одна; больше всего ей хотелось уйти и больше никогда не возвращаться в это место. Ее впитанному с молоком матери чувству необходимости порядка, приличия и традиции претили и псевдомагические пассы «чудотворца», и его наглое спокойствие, с которым он, не будучи врачом, позволял себе говорить о глубоко тайных и постыдных отправлениях ее организма, что же касается заявленной им цены, то она была просто чудовищной. И тем не менее она отчего-то не уходила. Перед ее внутренним взором то и дело вставало лицо Франца: красивое, мужественное, с пушистыми усами, так приятно щеко-чущими кожу. Он нужен мне, с отчаянием подумала Каролина. Мое глупое романтическое сердце не выдержит разлуки с ним, я готова пойти на все, лишь бы удержать возлюбленного. Поддаться греху? что ж, пусть будет так. А что касается цены, то заплатив ее, я всего только сделаю пробу пера. А если отказаться? Тут Каролина представила себе нескончаемую череду длинных, тоскливых вечеров, Франца – все более скучающего, раздражительного, далекого, безумно желанного – и не жаждущего в ответ; она видела себя, покинутую, утомленную однообразием одиночества, видела глаза приятельниц, полные притворного сочувствия и неподдельного любопытства.

И Каролина осталась.

Мастер Теней появился в кабинете так же бесшумно, как и исчез перед этим. Он внимательно посмотрел на молодую женщину, не говоря ни слова, встал за ее спиной, плавными движениями руки обрисовал в воздухе контуры ее тени и негромко заговорил.

– Сладострастие, воистину из семи сладчайший грех. Тягуче-розовый, засасывающий, одурманивающий. Невинности погубитель, гонитель стыдливости, воин порока... Я, Мастер Теней, властью своею тебя призываю: восстань, разбей оковы стыда и чистоты устыдись!

Когда Каролина обернулась к Снимающему Печати, ей бросилось в глаза кольцо – большое, неправильной формы, с несколькими камнями. Один из самоцветов, словно поймав ее взгляд, засиял маслянистым, жирным светом. В этот момент Каролина ощутила густой аромат розового масла, почувствовала, как оно горячими струйками стекает по ее телу, щекочет, распалает, разжигает... она слабо застонала, отшатнулась и, потеряв равновесие, едва не упала. Мастер Теней подхватил ее.

– Вы помните о цене преобразования? к тому же проба пера вам совсем не повредит.

Он отнес ее наверх, в комнату, затененную шторами почти до темноты. Сначала Каролина просто подчинялась ему; все ей было непривычно – и полное отсутствие стыда перед своей и его наготой, и жаркое любопытство, и прятая острота ощущений. Она отдавалась его умелым

рукам, принимала ласки; ей казалось, что она плывет по теплой реке розового масла, благоухающие струи обволакивали ее тело и необратимо усыпляли разум. Розовато-желтая поверхность реки маслянисто поблескивала, темно-розовые кувшинки раскрывали ей навстречу свои влажные лепестки, она гладила их и сама становилась одним из жадно раскрытых цветков... ее неотвратимо несло к водовороту. Его жадный зев проглотил ее всю, а выпустил уже совсем иную Каролину; она плыла по течению, запрокинув голову и раскинув ноги. Она расплачивалась с царственной щедростью, и крики ее были бездумными и торжествующими.

Утро следующего дня застало Каролину Паульман в магазине дамского белья, где она купила самые вызывающие новинки, изобретения парижских модисток, на которые она и смотреть-то прежде боялась. Ее верхний гардероб также подвергся пересмотру, платья, представлявшиеся такими элегантными и достойными, теперь раздражали своей излишней благопристойностью. Каролина открывала для себя мир духов, утонченной косметики (до снятия печати Каролина свято верила, что ею пользуются только падшие женщины), а также впервые сознательно и с удовольствием ощущала на себе вождедеющие взгляды других мужчин. Ее супруг, Франц Паульман, был совершенно ошарашен произошедшей переменой, и сначала был счастлив ею воспользоваться. Однако его не слишком изобретательные ласки быстро наскучили Каролине (чувство же восторженной любви, кстати, она утратила сразу же после того, как была снята печать сладострастия), по сравнению с Мастером Теней любовником он оказался однообразным, слабоватым и трусливым – даже самые невинные фантазии жены вызывали у него тихий ужас... И она начала искать себе добавку.

Прелестей Каролины вкусили несколько друзей ее мужа, а также и отца. А вот заподозрившая неладное тетя Молли была принята Каролиной крайне нелюбезно, почти невежливо, и отступила. В обществе уже поползли неясные, неопределенно-неприличные слухи, Франц Паульман стал всерьез подумывать о необходимости консультаций у известных психиатров, а то и о продолжительном визите Каролины в одну из закрытых клиник. Как вдруг начавшие затягиваться в тугой клубок проблемы разрешила сама Каролина по методике гордиевого узла, то есть быстро и необратимо. Она сбежала из дому с еще безусым офицериком, бросила его при первой же оказии и, обрета ничем не ограниченную свободу, пустилась, что называется, во все тяжкие.

К счастью для себя, Каролина Паульман, плывя по реке горячего розового масла, не утратила практичности. Став мадам Карлоттой, она назначала себе немалую цену, а охотников до ее ненасытности было хоть отбавляй. Это позволило ей скопить недурной капитал и открыть в Розенлеве еще один публичный дом; деньги, приносимые таким доходным делом, были ей более чем кстати, поскольку позволяли покупать себе – неумолимо стареющей, но по-прежнему любвеобильной – молодых и сильных любовников.

3. – Но вы сами противоречите себе, уважаемый господин Крафка. Утверждаете, что питаете непреодолимое отвращение к магам, ясновидцам и прочим жуликам, а сами между тем сидите в кресле у меня в приемной. Что привело вас ко мне, если не желание изменить свою судьбу при помощи потусторонних сил?

– Отчаяние, мэтр. И ваше объявление.

В приемной Мастера Теней сидел и курил сигару сам Аристид Крафка – Аристид блистательный, Аристид великолепный и неподражаемый, король романа «плаща и шпаги». Словом, Аристид Крафка был для литературного Парижа чем-то вроде Короля-Солнца. Его славе блестящего романиста сопутствовала также слава неотразимого любовника и удачливого биржевого игрока. Он был счастливо женат на дочери богача-мануфактурщика, особе умной (она закрывала глаза на несерьезные аристидовы шалости, не допуская развития серьезных увле-

чений), плодovитой (она родила мужу четверых сыновей и двух дочурок), весьма влиятельной в обществе и красивой. Дом писателя был образцом парижского шика, подкрепленного основательным благополучием. Ему, конечно, завидовали, но его любили и им восхищались. И теперь этот баловень судьбы сидел напротив Мастера Теней и явно не знал, с какого конца подойти к делу.

– И все-таки я повторю свой вопрос: что привело вас ко мне, господин Крафка?

– Хм-м-м... ну, да ладно, я буду откровенен с вами, мэтр. Признаюсь, вы к этому располагаете. Ничем не напоминаете своих коллег, и глаза у вас такие... неподдельно-мистические, цвета старого золота. Ну, к делу. Вы, смею надеяться, знаете, что я писатель. Удачливый, издаваемый и хорошо оплачиваемый. До сего дня у меня не было причин роптать на Фортуны, и не знаю за какое прегрешение она покинула меня, прихватив за компанию и мою Музу. Это крах, мэтр. Я исписался. Мое перо не может более выдать ни одного связного предложения; я пытался, но получалось чудовищно. Коряво, вымученно, и что самое ужасное – скучно. Я пробовал все: кутил, влюблялся, съездил в Африку, даже опиум курил... И все попусту. Не вдохновляют меня ни парижские трущобы, ни пруд с черными лебедями в тестовом поместье. А публика, черт ее подери, ждет очередной шедевр Аристиды Крафки; и критики, сукины дети, уже недоумевают по поводу чересчур длинной паузы. Думают, что я хочу поэффектней преподнести новое творение, а мне нечего им сказать, мэтр, совсем нечего! Ваше объявление я увидел чисто случайно и, признаюсь, позавидовал изяществу стиля. Помогите мне, если сможете.

– Смогу. В моей власти выпустить тот запас сил, о котором вы и не подозреваете. Но сначала давайте посмотрим, какие именно силы вам нужны.

Мастер Теней встал рядом с креслом Аристиды Крафки и стал водить рукою над четкими контурами его тени на полу.

– Однако же какой запас жизненной энергии, и какое жизнелюбие... Да вы титан, господин Крафка, воистину раблезианский великан. Это вас и погубит. Как писателя, разумеется. Сами знаете – у горя много струн на лютне, у счастья нет ни одной. Ваша жизнерадостность гонит прочь тоску, спутницу размышления, мешает взглянуть в глубины – и поэтому вы поверхностны. Однако все можно поправить, если будет на то ваша воля.

Писатель заинтересованно посмотрел на собеседника.

– Да вы никак с моей тенью разговариваете? Помилуйте, мэтр, старый, избитый сюжет. Петер Шлемиль, знаете ли, и потом у этого датчанина, как его... очень неплохая сказка.

– Это вы об Андерсене? Открою вам секрет, уважаемый мсье Аристид, раз уж вы поделились своим. История, описанная Хансом Кристианом, действительно приключилась со мною. Человек, обратившийся ко мне за помощью, оказался чересчур добродетельным в самом высоком смысле этого слова. Снятие только одной печати не решило бы его проблем, и вот тут я – каюсь – немного перестарался, снял целых пять. Так и получилось, что перешел он в полную свою противоположность: из кроткого стал гневливым, из щедрого – алчным, из смиренного – гордецом, из целомудреннейшего и воздержанного – распутным чревоугодником. Фигурально выражаясь, в нем возобладали Тень.

– Вы говорите серьезно, мэтр? Простите, но поверить в это... впрочем, неважно. Я, пожалуй, воспользуюсь вашим настроением и спрошу, как к вам попало это удивительное кольцо?

– Его мне вручили при вступлении в должность.

– Какую, позвольте спросить?

– Мастера Теней, конечно. Это кольцо Снимающего Печати. Смотрите: красный рубин настроен на гнев, желтому топазу подвластна алчность, фиолетовому аметисту – зависть, синий сапфир открывает врата гордыни, розовый жемчуг дает волю сладострастию, рыжий турмалин распускает пояс чревоугодия, черный же алмаз ведет в бездну уныния.

– Любопытно, но несколько скуповато. И вся ваша палитра исчерпывается семью старыми библейскими смертными грехами? А как же богатство колористики, мэтр? И потом, человечество прогрессирует, и неустанно пополняет этот перечень.

– Уважаемый Аристид, при всем своем немалом старании человечество не может придумать ничего качественно нового, уж поверьте мне. Что же касается колористики... основных тонов у Тени семь, но кто исчислит все ее оттенки и нюансы? Впрочем, мы чересчур увлеклись разговором в ущерб делу. Итак, господин Крафка, я готов вам помочь; ценою же снятия Печати Уныния будет посвящение вашего первого нового романа моей скромной персоне. Да-да, так и напишите – посвящаю Мастеру Теней.

– И это все?

– Абсолютно.

– Но в своем объявлении вы недвусмысленно намекаете на высокую стоимость ваших услуг! А сами просите о такой малости...

– Уважаемый господин Аристид, не судите столь легковесно о том, что есть малость, а что – непомерность. Вы можете ошибиться. Мои услуги действительно очень дороги, я этого не скрываю. Равно как и не уговариваю их принять. Подумайте об этом, я ненадолго оставляю вас.

Мастер Теней вышел из кабинета, писатель же остался сидеть в кресле. Аристид Крафка думал о более чем странном и сомнительном предложении, об иллюзорной плате, назначенной за него; пальцы его нервно барабанили по колену, сигара погасла.

Так же как громоотвод притягивает к себе молнии небесные, так же и кресло, предназначенное для посетителей Мастера Теней, притягивало, по всей видимости, мрачные тучи тяжелых предчувствий. Писателю представлялись поочередно то ледяной душ пренебрежения со стороны коллег, то полные сочувственного ехидства реплики приятелей, то – и это было самым страшным – статьи литературных критиков, в которых развенчивалось в пух и прах все его творчество и блестяще доказывалось, что писанина его гроша ломаного не стоит, а все предыдущие успехи и громкая слава есть ни что иное как проявление читательского дурновкусия. Аристид Крафка сознавал, что помимо писательства у него есть семья, есть интересы на бирже и в свете, есть немалые деньги, наконец; однако сколько он не складывал добра на ту чашу весов, напротив которой покоилось его творчество, – желанного равновесия не получалось.

Мастер Теней бесшумно вошел, встал рядом с писателем.

– Я вижу, вы готовы? Приступим.

Он вытянул вперед руку с перстнем, проделал ею какие-то псевдомагические пассы и заговорил.

– Уныние, бездна бездонная, черная... Падение бесконечное, сон кошмарный в объятьях отчаяния... Оно изъязвляет душу, кислотой вытравит всякую радость и похоронит надежду. Приди, ядовитая мудрость, приведи с собою раздумия горькие и сожаления, выпусти их, как рой кровопийц, не дающих покоя до самой могилы!

– На каком языке вы заговорили, мэтр? – С этими словами писатель обернулся и в мгновение ока оказался почти загипнотизирован матовым блеском черного камня в кольце. Аристида словно потянуло в темный колодезь, сердце его охватили ледяные когти, впились намертво, высасывая тепло, свет, саму жизнь... он резко выдохнул, встряхнул своей буйной шевелюрой, и наваждение исчезло.

– Желаю удачи, господин Крафка. И не забудьте о посвящении.

Новый роман нового Аристида Крафки произвел эффект сотни разорвавшихся бомб. Парижане вспоминали о первой постановке «Эрнани» и о суде над «Мадам Бовари», но эти литературные скандалы не шли ни в какое сравнение с «Крысятами Тампля».

– Вы уже прочли «Крысят Тампля»?

– О да! Какой ужас!

– Да, и какой блеск! Какое мастерство, какая глубина! Я, признаться, недооценивал этого ремесленника Крафку; никогда бы не подумал, что он на такое способен.

– Помилуйте, о каком мастерстве вы толкуете? О мастерстве собирания грязи по всем сточным канавам Парижи и размазывании этой вот грязи по бумаге? Этот роман смердит, как самая гнусная ночлежка, а после его прочтения мне хотелось вымыть руки!

– Вам не мешает промыть также и ваш сонный, заплывший жиром благополучия мозг!

– Как вы смеете! Вы такой же грубиян и негодяй, как и ваш Крафка!

– А вы – надутый идиот, ничего не смыслящий в искусстве, венцом коего почитаете слащавую оперетку «Моя прелестная садовница»!

Споры о романе кипели во всех салонах, гостиных и даже в балльных залах. «Крысята Тампля» разительным образом отличались от предыдущих творений Аристиды блистательного: ни благородных красавцев, ни молодых герцогинь, ни погонь с фехтованием. Книга весьма красочно повествовала о жизни детей и подростков парижского дна – тех, чьим единственным верным спутником был голод, кто учился драться и воровать чуть ли не с колыбели. Виртуозы-карманники, достигшие высот мастерства в том возрасте, когда обычные дети только идут в школу; десятилетние проститутки, с жуткой деловитостью обслуживающие клиентов; несовершеннолетние убийцы – эти порождения нищеты, невежества и порока, окрещенные Крафкой «крысятами Тампля», кружились на страницах его книги в завораживающей макабрической пляске. Свой во всех смыслах новый роман, вознесенный и публикой, и критиками на сияющие высоты, писатель посвящал некоему Мастеру Теней.

После такого успеха уже ничто, казалось, не могло его перевесить. Но и тут Аристид Крафка сумел удивить читающий Париж. Следующая его книга оказалась поэтической, писатель превратился в поэта. А потом был знаменитый, восхваляемый и низвергаемый с одинаковым жаром, «Священник из Бру». Роман был, в общем-то, ни о чем: какой-то никому не интересный священник приезжает в новый приход – сонную, пыльную деревню, и все никак не может устроиться на новом месте – то в свой дом никак не может попасть, то в какую-то местную ссору впутается... начинается не пойми с чего, и заканчивается ничем. Одним словом, скучно, монотонно и безысходно. А оторваться невозможно – роман затягивал, как болотная тряпина.

Но приносило ли это самому мэтру радость... «черта с два», как сказала бы его жена. Аристид Крафка стал абсолютно несчастным человеком. Его пожирала черная меланхолия, от которой не было спасения. Радости семейного очага, красота жены и очарование других женщин, развеселые кутежи, азарт игры – все ушло в бездонный черный колодезь, оказавшийся под снятой печатью. Он сильно похудел, потому что забывал есть, ссутулился, поседел. Друзья участливо советовали съездить на воды, жена приводила одного за другим медицинских светил; все было впустую; единственное, что хоть немного отвлекало его – работа. Но она же и убивала, требуя непомерных усилий от надорвавшегося сердца.

Судьба последней книги Аристиды Крафки оказалась плачевной: писатель сжег ее, поясняя в предсмертной записке, что убивает свое дитя лишь ради того, чтобы оно не погубило многих, поскольку вложил он в эти страницы все свое отчаяние. Оборвав таким образом свою творческую стезю, некогда блистательный Король-Солнце литературного Парижа, а ныне – просто великий писатель Аристид Крафка – повесился в подвале своего загородного дома.

4. Сказано было, что женщина – сосуд скудельный. Однако если бы автор этого категорического утверждения познакомился бы с Мариной Пчелиной, то он, весьма вероятно, сформулировал бы его несколько иначе: «Некоторые женщины – сосуд скудельный, но только не Пчелина Марина». Ибо была вышеназванная Марина человеком поистине замечательным:

добрым, жизнерадостным и отзывчивым. Работала Марина на одной из гуманитарных кафедр провинциального университета в чине вечного доцента и в качестве привычного решения любой проблемы. Она дорабатывала почти все диссертации, проходящие через местный совет, причем делала это безвозмездно, искренне желая помочь неразумным ближним; она вела все эти нудные, скучные научные общества; подменяла заболевших коллег в те часы, когда могла; возила продукты завкафедрой и делала у той сезонные генеральные уборки; одна растила дочку, а в часы досуга (не иначе, как между тремя и пятью часами ночи) писала свою докторскую. Вся кафедра буквально молилась на Марину, и при этом никто ее ни в грош не ставил.

Однажды осенним вечером Марина Пчелина сидела в гостях у своей давней подруги Светки Березиной. Подруги допивали первый кофейник. Светка была настроена довольно воинственно, видимо, вследствие сегодняшнего педсовета в школе, где она работала завучем. Она грохнула чашкой о блюдце, ткнула сигаретой в пепельницу и обратилась к подруге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.